

Дмитрий Золотарев

Сон Дар

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Золотарев

Сон`Дар

<https://litres.ru/74140508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь, кажется, подошла к концу. Поэтому самое время простись чёрт знает куда. Например, к вратам ржавой Изнанки, чтобы, ну скажем, совокупиться с кем-то покарсивше.

Дмитрий Золотарев

Сон`Дар

Глава 1

Нет никого, кто обслужил бы твой член лучше, чем малая суккуба. Даже мне, бывшему паладину, не столько тошно это признать — сколько стыдно: я тоже хочу уткнуться носом в её лоно.

Я помазанник церкви. Не абы кто — святой рыцарь на службе его величества Соломона Третьего, внука Объединителя. Того самого, кто впервые собрал жалкие остатки человечества в кулак и повернул против бестии.

Но это лишнее. Стоило сказать лишь: я бывший паладин. Впрочем, и здесь я слукавил. Паладином я был только на бумаге. Меня взяли по протекции — отец воевал в Первую и оставил рекомендательное письмо. Геройское. С ним не спорят. Вот и затесался я, лишённый высшего благословения, в ряды элиты.

Был я статен. Шаггал в боковых рядах на парадах. Ношу на теле метку паладина и поныне. Только это шелуха. Я — обычный рубака, таких тысячи. Исполнительный солдат — таких легионы. Капитаном я и сгинул. Буквально: лишился ноги под Третьим Штурмом.

Взамен получил две вещи: протез, что скрипит громче церковных врат, и увольнительную. До личного пая не дотянул каких-то пять лет. До пристойной пенсии — два. Мне всучили несколько золотых, пожали руку и пожелали удачи.

Да и бес с ним. Жизнь не кончена. Даже калеке найдётся место: в захудалом отряде, у ворот постоялого двора, — где угодно.

Но я отвлёкся. Разговор-то о суккубах.

Призыв — не забава. Ритуал требует годов подготовки, крепкой памяти на имена всех потусторонних — от простого огневика до самого Смертодержца. С первым и последним знаком всякий, кто вознамериться ступить на этот путь. Владыка лично скрепляет с тобой договор. А огневик — всегда первый, кто откликнется на твой зов.

А вот с промежутками — герцогами да баронами — придётся повозиться. И даже тогда никто не поручится, что ритуал выгорит. На моей памяти зачисток от порождений — счёту нет. И каждая — по глупости: спешка, неверное слово, дрогнувшая рука. Вместо крылатой девы на круге оказывается пруска — демонический червь, и тогда уж не до утех.

Да и в лучшем раскладе можно разочароваться.

В народе суккуба представляют эталонно: козьи ноги, гибкий хвост с остриём, перепончатые крылья, витые рожки. Всё так. Но это лишь один подвид. И, скажу вам, далеко не лучший.

Раз уж зашла речь о потустороннем статусе, следует обо-

значить и положение наших рогатых избранниц в общей иерархии бестелесных. Подобно прапорщикам в армейских рядах, они стоят особняком, формируя собственную витиеватую вертикаль, где каждая ступень — это пропасть в могуществе и бездна в цене ошибки.

У самого подножия соблазнительного зиккурата, там, где магия ещё почти неотличима от инстинкта, располагаются суккубы, тяготеющие к зверю более, чем к человеку. Сюда относятся подтип гарпий — существ с перепончатыми конечностями, когтистыми ногами и острым, словно хирургический инструмент, хвостом. Но есть и иная порода: худощавые, будто обвитые со спины лапами гигантской сколопендры. Их тела лишены сосков, рога массивнее сородичей, а вместо крыльев из лопаток торчат рудиментарные наросты, бесполезные для полёта, но пугающе подвижные в моменты ярости.

Ступенью выше — чешуйчатые. Их кожа наслаивается, подобно панцирю, а крылья обретают сухожильную жёсткость. Ноги трёхпалы, сближены с звериным строением, руки увенчаны хитиновыми когтями, а плоть отликает ржавым оттенком старой бронзы. Наиболее прекрасное из того, что можно вызвать из этой касты — признанная эталонной козьеногая соблазнительница, чей образ растиражирован в гримуарах как условный стандарт похотливой демонологии.

Но здесь кроется первый закон Изнаночной Утробы: эти бестии отзываются лишь единожды для каждого прерывате-

ля. Одна встреча — и колдун, сколь бы незатейливым он ни был, высосан без остатка. Подпитывать их существование больше нечем, а потому они вынуждены вернуться обратно. Процесс возвращения — это обескровливание.

В местах плотских ритуалов всегда наблюдается чудовищная концентрация магии — не в силу разврата как такового, но по причине физиологии. В жилах низших суккубов течёт не кровь, а чистая, концентрированная эссенция. Изнаночной Утробе, чтобы принять своё дитя обратно, необходим сигнал. Смерть чада — самый недвусмысленный и безотказный из всех доступных сигналов.

Следует уточнить, что в этом же слое обитают существа, которые не претендуют на гордое звание суккуба, но порой становятся заложниками блудливого зова. Они приходят в тяжёлых, сковывающих движения оковах, ибо перенасыщены магией до такой степени, что даже воздух вокруг них начинает искажаться. Черты их обманчиво человечески, если не брать во внимание гибкую, зеркально отсвечивающую чешую. Отпираться от сути призыва они не станут, но тех же всежигающих ощущений не подарят. Они сильнее любого земного наслаждения — да, но с истинными суккубскими ласками их сравнивать так же бессмысленно, как сравнивать отвар из корней с чистым эликсиром.

На ступень выше — воины. И здесь речь уже не идёт о копытах и звериных суставах. Они всегда обладают человеческими ногами, абсолютными, лишёнными зооморфных при-

месей. Существуют две вариации: либо четыре руки и массивные кожистые крылья, но без хвоста, либо две руки, отсутствие крыльев, но хвост настолько гибкий, ловкий и осознанный, что низшие суккубы с их примитивными отростками не годятся даже в подмётки. И хотя предназначение этих существ — война, любой воин, даже закалённый в бездне, порой жаждет ласки и мимолётной любви. Пусть даже от неумелого человека или любого дерзнувшего ступить на путь тёмной магии. Воины не убивают своих призывателей. Они бросают их. Разница тонкая, но принципиальная.

Выше воинов возвышаются уже не суккубы, но истинные бестии. Крылья, хвост, рога — всё это у них эфемерно и подчинено абсолютной воле. Они властны над собственной плотью до такой степени, что способны подстраиваться под любые, даже самые извращённые предпочтения призывателя. Они могут предложить услуги, о которых не отваживаются заикнуться даже маститые архимаги, ибо те услуги касаются не тела, но времени, памяти и самой структуры реальности. Они — венец красоты Изнаночной Утробы, её живое оружие и одновременно искусство.

Что же касается зачатия — низшие существа на такое не способны. Зачать суккуб может лишь от бестии среднего чина и выше. Изнаночная Утроба ревниво охраняет право на воспроизводство, позволяя его только тем, кто уже прошёл путь животного и осознал себя личностью.

Отдельного упоминания заслуживают инкубы. На удивле-

ние, они прозаичнее и прагматичнее сестёр. Статные, прекрасные мужчины с кожей, цвет которой варьируется от пепельного до багряного в зависимости от ранга. И вот уже они способны оставить частичку себя в материальном мире. Женщина может выносить полукровку, но изрыгнуть дитя из себя сможет лишь посмертно. Чаще всего таких существ убивают сразу, чтобы избежать позора. В лучшем случае отправляют в соляные шахты или на выработку руды, где их нечеловеческая выносливость превращается в дешёвую рабочую силу. Ибо дети от таких союзов живучее, крепче и терпеливее для любого труда, что способна выдержать человеческая плоть.

Занесло меня. Жалобы. Сухая выдержка. Стоило рассказать о пытках. Может, о самих налётах и зачистках. Но, меня учили сопротивляться любому воздействию извне. Поэтому скормить мозговому паразиту, что подкараулил меня во сне, такие яркие воспоминания, я не могу. Чтобы подобная тварь отстала, её нужно утомить. А вот если попытаться перенасытить её — ничего не выйдет. Она заглотнёт дурака полностью. Переварит и опорожнится скелетом. Поэтому иногда в лесу находят идеальные, цельные, кости. Которые не рискуют обглаживать даже самые голодные хищники.

Всё начинается с любящего прикосновения. Щупальца ерошат волосы, позволяя приятной, тёплой дрожи захватить тело. Это похоже на прикосновение любящей женщины. Или заботливой матери. Если в одном месте соберётся несколько

человек — пиявка потянется к самому вкусному. К тому, у кого внутри — кладбище воспоминаний. Мёртвых товарищей. Невыплаканных слёз. Невысказанных слов.

Кто-то сказал мне: Гундир, память для той этой твари, будто вино. С каждым глотком оно хмелеет и теряет бдительность. Лишь потому, зевакам, порой, удаётся выжить.

И снова. Удача. Нега, для человека вроде меня, понятие чуждое. Я вымотался, задремал под деревом. Укутался в плащ, устроился на рюкзаке.

Разобрав наконец, что происходит, я медленно потянулся за ножом. Паразит становился всё тяжелее. Я старался и дальше проигрывать образы в своей голове. Щупальце коснулось моей щеки — липкое, маслянистое. Голову потянуло вбок. Зазевался. Потянул нож. Схватил рукоять, резко ударил вверх. В студень. В упругую, холодную массу, которая не желала ни рваться, ни уступать. Лезвие застряло, будто в смоле, и я дёрнул сильнее. Щупальце соскользнуло с моей щеки, оставляя липкую дорожку. Паразит рухнул рядом. Попытался ухватиться за моё плечо, но не смог. Вес сыграл против него.

Была тварь размером с доброго щенка, но без формы — мешок переливчатой, сероватой слизи, из которого торчали десятки тонких отростков. Ни глаз, ни рта. Только пульсирующая в такт моему сердцу мембрана.

Я рубанул.

Студень рассекся с влажным, чавкающим звуком. Из раны

хлынула густая, янтарная жидкость, пахнувшая гнилым пнём, который какой-то безумец, по ему лишь ведомым причинам, забил такими же гнилыми яблоками.

Рука задрожала. Тварь пыталась визжать, сотрясая окружающее пространство. Я поднял нож и ударил снова. Отростки затрепыхались, обвили мою руку.

Я схватил нож левой. Правую потянул чуть в сторону, придавил щупальца сапогом. Ударил. Мимо. Нож воткнулся в землю. Я прижал лезвие к щупальцу. Дернул.

Воздух содрогнулся снова. В этот раз много сильнее. Мою ногу подкинуло, и я, от неожиданности, опустил её чуть дальше. Паразит взметнулся в воздух, но тут же грохнулся о землю. Пара щупалец остались у меня в руках. Я ударил снова. В этот раз ближе к основанию. Тварь дернулась в последний раз. Замерла. Щупальца ослабили хватку. Упали на землю. Я последовал их примеру.

С минуту просто пялился на слизистую тушку. Янтарная жижа медленно растекалась по земле. Я сунул руку в рюкзак, достал флягу. Выпил остатки воды. Зажал флягу между ног. Подтянул паразита. Выжал янтарную муть в флягу. Получилось хреново. Жижа лилась мимо, пропитывала, и без того не первой свежести, штаны.

Я приподнял тушку левой рукой. Сунул нож в последний порез. Потянул вниз. Тело твари оказалось слоёным — как пирог из дерьма и магии. Внешняя оболочка, толстая и склизкая, легко снималась, обнажая внутреннюю, почти

сухую сердцевину. Она была похожа на губку — пористую, светлую, чуть теплую.

Я читал об этом. Но теория это одно — практика всегда обстоит иначе.

Я нашёл несколько палок потолще, вдел на них тушку. Перевязал. Обтёр флягу, нож. Привязал паразита к рюкзаку. Накинул. Постоял с минуту — нога зудела. Привык. Поковылял вперёд.

Уже и не помню, что меня дёрнуло срезать через лес. Может боялся встретить кого. Странная мысль родилась, и я поддался ей без разговоров.

— Но худа без добра, — шепнул я, опираясь на массивный дуб.

Я взгляделся. Тропка. Втоптана хороша, и зверя никакого не слышно. Только шелест в кронах. Хотя ветра, кажется нет совсем.

Я вышел на извилистую вытоптанку, потянулся, как мне казалось, к её изголовью. В этот раз не прогадал. Вышел к дороге.

Широкая, колейная, заросшая по краям диким овсом. Старый тракт. Следы телег, конские яблоки, ошмётки сена. Я поправил рюкзак и побрёл вдоль.

Ребёнком, я часто слышал от отца: все мы, рано или поздно, пройдем через Цзецзы.

Он прошёл. Я лично снимал его. Теперь и я добрался сю-

да.

Славное место. Здесь продаётся и покупается абсолютно всё. И это не оборот речи. Сюда стекаются все расы из обжитых земель. Порой, можно застать таких чудищ, о которых и помыслить не мог. Иногда продают их. Иногда продают они. Это, на самом деле, не так уж и странно. Если верить историям, что город этот был воздвигнут торговцами Хитинового Пути. Путешественниками из странных земель, что раскинулись где-то за Зубчатыми Песками.

Говорят, они пришли сюда на огромных травоядных многоножках. Не могу сказать, что лично натыкался на истории об этом в книгах. Не могу вспомнить, что нас учили этом на уроках о древних временах. Могу вспомнить лишь рассказы, будто где-то по пути, ещё можно наткнуться на странные углубления массивных лап, что так и не заросли травой, или не почили под толщей земли.

А так, это хорошо укреплённый рынок. Не больше. Я доскрипел сюда по утрамбованной грязи. Плечо затекло. Поясница ныла.

Ворота распахнуты настежь — мирное время, никому нет дела до хромого путника с поклажей на спине.

Двое крепких ребят у ворот. Даже не глянули. Я прошёл под аркой, и меня накрыло.

Рынок — неблагоприятное испытание. Казалось бы, со временем чувства притупляются, но здесь это почему-то не работает.

Теснота, гомон. Пота и пряности. Десятки наречий и сорванных голосов. Телеги с репой, лотки с рыбой, какой-то заезжий артист жонглирует тлеющими углями под аккомпанемент дудки.

Приходится лавировать между тучными купчихами и боконогой шушерой, придерживая рюкзак, чтобы не зацепить кого тушкой. Народ расступался нехотя. Что взять с калекки? На конкурс не завлечь. Сапоги не предложить. Разве что вдвое дешевле — за пол пары, так сказать.

И всё же, кому-то я понадобился.

— Эй! Хромой!

Я не обернулся. Голосов много, зовут всякого.

— Да ты, с мешком! погоди!

Ага, — подумал я. — Сейчас.

Правда, ёрничать мне довелось недолго, и я остановился. Не из желания или большого интереса. Меня хватили за локоть. Я обернулся. Мужик, чистый на удивление, посмотрел на меня, прищурился и сразу же отвернулся.

— Слышишь, я к тебе обращаюсь, — сказал он, глядя на свой прилавок.

— Пойдём, — я повернулся, поковылял за ним.

Мужик был невысокий. За прилавком встал на что-то, чтоб выглядеть внушительнее. Лицо ему явно вытесал кто-то неумелый: нос крупный, похоже ломаный. Глаза загнали глубоко, стружка сбилась в лукавый прищур. Он улыбнулся, обнажил редкие зубы.

— Это мозгляк у тебя на поясе? — кивнул он на тушку. Прежде посмотрел по сторонам, боясь, видимо, что кто-то услышит.

— Кто? — Я машинально коснулся бедра. Мозгляком эту медузу называли редко.

— Ну паразит. К башке присасывается. Серая такая склизь.

Это уже было больше похоже на простого торговца.

Я посмотрел на самодельную сушилку, потом на него.

— Он.

Лавочник хмыкнул. Поводил пальцем по столешнице, посмотрел на указательный палец. Прищурился сильнее.

— Не светил бы таким добром.

— Уж так и добро?

— А то не знаешь?

— Слышал, — ответил я, — да только думал врут.

— А засушил тогда зачем? — он снова улыбнулся.

— Попробовать хотел. Говорят, вкусный.

Он хмыкнул. Я повторил за ним.

— Куплю, — он хотел сразу же назвать цену, но замялся.

— Куплю за два.

Он выложил пару золотых. Восьмигранник с выпуклыми краями. С одной стороны, Соломон Первый в профиль. С другой Сакрит — бывший питомец Смертодержца.

Я помедлил. В голове промелькнуло: дешево.

Вот и грех, — подумал я следом.

Но тушка занимала место, воняла и привлекала внимание. Вернее, могла бы привлечь ещё не раз.

Я развязал верёвку, снял паразита и протянул через прилавок. Лавочник принял его двумя руками, как святыню, перевернул, пощупал.

— А потрошков, случайно, нет?

— О как, — улыбнулся я. Полез в рюкзак, нащупал флягу. Протянул ему.

Он открыл, принюхался. Зажмурился, будто пробуя дорогое вино. Радостно вздрогнул — мелкая, быстрая дрожь, которую он не смог скрыть.

— Полтора ещё, — сказал он, не разжимая век.

— И флягу.

Он открыл глаза, посмотрел на меня с лёгким прищуром.

— Тогда один и флягу.

Я сложил руки на прилавке, наклонился чуть ближе.

— Полтора, — повторил я, — и флягу.

Он опять оскалился. Жёлтые редкие зубы, мне казалось, я видел в них упрёк.

— Договорились, — он нырнул под прилавок. Повозился, звякнул чем-то, потом вынырнул с плоской флягой из тёмного металла. На боку была выбита рожа — гоблинская, с высунутым языком.

— Вот, — он швырнул её мне. — Гоблинская. Только выбирай чем наполнить. Не сохнет. И не протекает, — он хохотнул. — Сама наполняется.

Я поймал флягу, на ощупь — лёгкая, кожаная нашивка на доньшке. Сунул в сумку, вместе с золотом.

— Если ещёймаешь — приноси, — бросил он напоследок. — Лучше живым весом.

Я обернулся, но возле него уже толпились. Хотел кивнуть, но он даже не косился в мою сторону. Оставалось лишь брести дальше. Я и пошёл. Сквозь толпу, сквозь гомон, сквозь запах жареного лука и лошадиного навоза.

Ноги гудели. Протез начал натирать культю. Придётся остановиться где-то, сменить портянку.

Я выбрался из внешнего круга прилавков. За широкой, выложенной камнем дорогой, остановился у колодца. Набрал ведро. Умылся. Наполнил флягу. Отпил сразу же. Увлёкся, осушил. Фляга стала легче, но тут же прибавила в весе.

Я вернул её в сумку. Предстояло прорваться через внутренний круг. Потребовалось пару минут, чтобы решиться.

Лучший выход насквозь, — говорил отец. И, пожалуй, это единственная мудрая мысль, что срывалась с его уст.

Дети шныряли под ногами, какая-то торговка ругалась на мальчишку, опрокинувшего корзину с яблоками. Я перешагнул через рассыпавшиеся плоды и вышел на открытое пространство.

Наконец-то, — подумал я, но радоваться было рано.

Я уткнулся в плотный ряд рабочих спин. Потёртые, согнутые, тяжёлые. Люди глазели на что-то, видать, очень важное.

Может, очень красивое. Я обошёл эту живую стену. Заметил душашую брешь. Протиснулся. Застыл.

Посреди площади, прямо под обветшалым гербом Цзецзы, стоял человек. Добротный чёрный дублет с серебряной вышивкой — не купец, не дворянин, скорее управляющий или сборщик податей. Длинное лицо, узкие глаза, гладко выбритый, с кольцом на безымянном пальце — крупный рубин в массивной оправе. В одной руке он держал поводок из тонкой, хищно поблёскивающей цепи.

На конце поводка было то, на что таращились все.

Суккуба. Тварь высшей степени.

Она была обнажена полностью. И, кажется мне, иначе быть не могло. Кожа её — нежная, с перламутровым отливом, где-то переходящая в легчайшую синеву, словно её плоть впитывала сумерки. Фигура — безупречная, текучая, такая, что любая художница в мире молилась бы о праве изобразить её. Грудь высокая, живот подтянутый, бедра — мягкий, опасный изгиб. Ноги идеально человеческие, без копыт, без чешуи. Крылья — полупрозрачные, будто из застывшего дыма, сложены за спиной. Хвост — длинный, изящный, с сердцевидным остриём — висел неподвижно.

Одно «но». Вернее сказать, два, но касательно второго я не уверен. Тело её было покрыто шрамами. Не полевая слава бойца. Мельчайшие, правильные, тонкие линии — от шеи до щиколоток, от запястий до самого низа живота. Их наносили с болезненным, почти любовным вниманием. Кто-то очень

долго, очень методично учил её, что она — вещь.

На левом плече — клеймо. На правом бедре — ещё одно. Сложный знак. Я в таких не разбираюсь. Может, герб одного из южных родов. На шее — тонкий ошейник из того же металла, что и цепь.

Человек дёрнул поводок. Суккуба пошатнулась — и пошла. Как дрессированная лошадь, что выучила, что дёргать можно только в одну сторону.

Я смерил себя. Это случилось непроизвольно. Нет, не усмирение. Я, почему-то, потянулся к ножу. Только перед этим — мысль догнала меня чуть позже — я пытался вынуть меч. Дурная привычка. Меча-то у меня уж год как нет.

Поделом, — так сказал бы Свет.

Отсоси у огневика, — так бы ответил я.

Хорошо, что мы не общаемся.

Я смотрел им вслед вместе со всеми. Смотрел, как она касается камня чистыми ступнями с идеальными пальцами. Смотрел пока они не скрылись из виду.

И когда живая стена наконец выдохнула, я опомнился вместе с ней.

Как можно вожделеть ноги? Более того, как можно воротить нос от того, что служит опорой? Не могу понять. Средний палец не той длинны — брак. Ногти торчат не так — брак. Хотя вот её ножки, вроде как были ничего. Даже уличная грязь не рискнула пристать к её стопе. Быть может, в

этом дело? Не в проблеме с башкой, а в каком-то сокровенном моменте. Например, в таком, чтобы изобразить таверну в виде двух отрезанных ног Колосса.

Не мне его судить. Главное, что пошло здесь пристойное. Я допивал уже вторую кружку, но комнату снять так и не решился.

Упёрся о стол, поднялся. Трактирщик заметил, окликнул девицу, что присела за столик к какому-то проезжему рыцарю. Пока та соизволила подняться, я уже доскрипел до стойки.

— Неймётся? — буркнул мужик.

— Привычка, — я протянул кружку.

— Далеко собрался?

— Сюда.

— Чем торгуешь?

— Мозгляки.

Трактирщик понимающе кивнул, протянул мне кружку.

— Присяду здесь?

— Валяй, — он взял тряпку, принялся начищать стекло.

— Дорогие? — я кивнул на стаканы.

— Эти-то? — он ухмыльнулся. — Дешевле чем хотел.

— Хрупкая вещь.

Он поставил стакан на стойку днищем вверх. На нём красовалась гоблинская морда с мясистым языком наружу.

— Давно в ходу?

Он пожал плечами, забрал стакан. Вернул на стойку к

Остальным.

— Не знаю, — сказал он, приветствуя кого-то.

Я обернулся. В дверях стоял сгорбленный мужичок. Он прошёл вдоль стены к стойке.

— Всё готово, — трактирщик постучал кружкой по стойке. Девушка подскочила, склонилась в лёгком, виноватом поклоне. Я взглянул на неё. Вернее, лишь на ту часть, что вздымалась и виднелась только лучше, при её глубоком вдохе.

Выдохнули мы вместе. Тяжело. Я проводил и встретил её взглядом. Девушка протянулся сгорбленному какой-то массивный узелок. Он склонился чуть ли не в двое, взял его дрожащими руками и вышел так же. Дверь решила хотела проверить его решимость. Перегородила путь. Он навалился на неё всем весом, пока не понял, что та открывается в другую сторону. Я хмыкнул.

Вот и новый грех.

— Чьих? — я потряс кружкой.

— Прислуживает Эдварду.

— А это кто?

— На площади был сегодня? — мужик вернул мне полную кружку.

Я кивнул.

— Охотник. Эдвард Вуд. Прогуливается с трофеем раз в неделю.

— Островитянин?

— Не знаю, — он оттопырил губу. — Не спрашивал.

— А где обитает этот Вуд?

— А тебе зачем?

— Хочу увидеть, как живёт коллега по цеху.

— А ты... — уголки его губ поползли вверх.

— Капитан четвёртого полка Идущих к Свету. Участвовал в последнем походе на Брешь, — я хотел было выпрямиться, как полагается, но вовремя понял, как это глупо. — Ныне в отставке.

— Паладин — редкий гость, — он понимающе кивнул.

— Если нужно что: комната, похлёбка, девочка, может — только скажи. Денег не возьму.

— А за пиво?

— И за пиво.

— Так, что насчёт Вуда?

— Да, — он подал пару кружек девушке, вновь вернулся ко мне. — Возле выхода, что в сторону Изнанки. Там, где ржавая земля.

— Стоит в первых рядах?

— Будет, — он потёр бороду, — наверное. Давно не пытались.

Я кивнул.

— А дом какой? Как выглядит?

— Самый богатый, естественно, — ответил он, будто удивившись моему невежеству.

— Ну да. Как иначе.

Я выпил ещё один. Поблагодарил. Вышел из трактира, как

и кривой служка, только с дверью не боролся. Рынок всё ещё гудел. Только уже где-то вдали. Я обернулся, слишком быстро, наверное, и прилавки качнулись. Я вспомнил тяжёлые чёрные корабли, что дожидаются своего часа в бухте Вал-Краса. И, что таить, готов был пуститься в пляс. На пару движений меня бы вполне хватило.

Эй навались! Рвутся жилы!

Чёрный туман пожрал маяк!

На большее меня не хватило. Слезы опалили нижнее веко. Я сглотнул и поскрепел к воротам, где по словам трактирщика жил Вуд.

Не соврал. Домина его теснил среди прочих, низкорослых и хиловатых. Ютился — точное слово в этом случае. Будь его воля — не хозяина, а дома — он смял бы соседей, выложил из их покошенных тел забор и разбил бы внутри садик, на манер тех горных монастырей, что я видел когда-то. Камни, жёсткая трава, прозрачное озерцо.

Созерцай и мысли — так, кажется, говорят их монахи.

Свет горел в единственном окне второго этажа. Калитка оказалась открытой. Я шагнул во двор, булыжная дорожка вывела к крыльцу, и я застыл на мгновение, глядя вверх. Свет горел, но за стеклом не шевелилось ни одной тени.

Дверь поддалась беззвучно.

Хорошо смазана — мысль пришла одобрительная, и я сам удивился её спокойствию. Наверное, всё ещё сказывалось пиво. Да, сейчас я мог свалить на алкоголь любую глупость. Даже эту.

Я прикрыл за собой створку — негоже оставлять вход на-распашку. Задвинул щеколду: никто не должен помешать.

В холле никого. Лестница уходила наверх, и ещё одна, за приоткрытой дверью справа, ныряла вниз, в темноту.

Я посмотрел на левую ногу. Куда смотрит протез, туда я и пойду.

Вправо.

Будем считать, будто я так и хотел.

Правда вот, только я шагнул вперёд, как сверху, прижавшись к полу, чтоб я не смог различить его сразу, донёсся скрип. Я замер. Прислушался. Что-то очень знакомое. Я закрыл глаза и образ обнял меня за плечи. Дрожь хлопнула по спине. Так, по-дружески, чтобы смазать образ. Я вспомнил, что это за звук. Так звучит смерть.

У границы Зубчатых Песков остался город призрак. Уверен, он с гордостью носил своё имя. Уверен, было оно не менее звучно и прекрасно, чем у его соседей по карте. Было, но вот в чём загвоздка. Теперь это место зовётся Бычьими Брюхом.

Клетки похожие на рёберные кости. Люди, и прочие ра-

сы, что приговорены к смерти, встречают её здесь. Их садят в клетки, подвешенные на цепи. Нагие, они денно и ночно терпят истязания песка. Он впивается в кожу, забивает поры. Разрастается. Отрывает куски плоти. Песок забивается в обнажённые участки, и всё повторяется снова. Чем меньше осталось от пленника, тем сильнее качается клетка.

Умереть от истощения они не могут. Им всаживают «Полевые зубы». В долгих походах у солдат нет времени на трапезу. Им вживляют специальные протезы. Один собирает внешнюю ману и превращает её в воду. Другой делает тоже самое, но превращает ману в питательную кашу. Заключенным же вживляют ещё один — он держит их в сознании, сохраняет голову в целости, пока не откажет сердце.

Такое не выветривается. Ночью, к счастью, я не вскакиваю, но забыть всё равно не могу.

Я привыкаю. Достаточно быстро. Как иначе, если времени в обрез. Звук становится ритмичнее, не спадает. Будто кто-то нарочно качает клетку. Я смиряю дрожь и прислушиваюсь. Внизу, кажется тихо. А вот наверху. Я задерживаю дыхание. Сердце усмиряется.

— Грязные ложки — милые крошки. — Голос больше похожий на писк. — Ждут часовой стрелки в немой тарелке.

Он повторяет это раз за разом. Стихает лишь чтобы набрать воздуха и пищит снова.

Я бы остался. Послушал бы ещё. Здесь, на коврике у входа. Коврике с неизвестным мне символом.

Ловушка, — своевременная мысль. — Придётся проверять на себе.

Я наконец шагнул вперёд. Не рвануло — хорошо.

Как и приказал протез — я двинулся к приоткрытой двери. Заглянул вниз. Свет плясал, облекая тени, в их естественном уродливом виде.

Нож. Шаг. Я старался идти как можно тише. Насколько это возможно в моём положении. За пару ступеней до конца — замер. Кто-то монотонно бурчал.

Заклинание, — подумал я. Шагнул ниже. Голос продолжал монотонно вторить. Ещё шаг.

Занятная картина. Человек в рясе. Припадает челом к полу и поднимается, раскинув руки. Дыхание его ровное, несмотря на постоянное движение, несмотря на время, несмотря на бесконечный шёпот. Перед ним круг. Старый. Кровь подсохла, приняла форму.

Символы за чертой круга — значит призыв.

Внутри шестеро. Не люди. Грубые манекены. Составлены из чего попало, но скреплены мастерски. Они ступали беззвучно. Ни единого скрипа в местах стыков. К головам их примотаны маленькие черепа. Ещё не сформированные до конца — детские. Они поднимают руки в такт заклинателю.

Я присел. Настолько плавно, насколько мог. Вес перешёл на здоровую ногу, рука с ножом легла вдоль бедра, лезвием к себе — меньше блеска.

Вдох. Пауза. Шаг.

Заклинатель продолжал бить челом и вставать, раскидывая руки, словно обнимал невидимое солнце. Манекены качались в такт.

Ещё шаг.

Манекен слева дёрнулся. Лёгкий, почти незаметный разворот в мою сторону. Плечи из старых досок чуть сместились, и череп качнулся, будто принохиваясь.

— Твою ж... — не сдержался.

То кривое бревно, что служило ему головой, раскололось чуть ниже середины. И конечно же там оказались зубы. Ну, кто бы сомневался?

Слишком длинные. Слишком близко посаженные. Они всё лезли и лезли наружу. Деревяшка вздулась. Потянула черепок вниз. Малыш не выдержал — попытался бороться, но не смог. Лопнул, развалился надвое.

Я не понял, как тварь оказал возле меня. Выставил руку — успел. Манекен вцепился в плоть, аккуратно посередине между локтем и запястьем. Я отпустил нож. Лево́й поймал на лету — ударил в шею. Вошло легко. Тварь отступила, зашипела.

Мужик в рясе, тяжело дыша, пятился назад. Он напомнил мне обратную черепашку. Была когда-то такая забава среди колдунов: выворачивать зверей наизнанку.

Ещё один, попытался обойти по дуге, напасть со слепой зоны. Я ударил наотмашь. Он остановился, оскалился. В тот же миг, сместив корпус, напал я. Лезвие скользнуло под челюсть. Вверх. В мягкое, тёплое, податливое. Кровь брызнула

горячей, солёной, залила пальцы. Заклинатель хрипнул. Забился к стене.

Манекен рухнул, но не распался. Поднялась пыль, и под телом из мусора, оказалась вполне обычная, обожжённая плоть пруска.

Четверо теперь только шипели — боялись сунуться ближе.

Я замер. Огляделся. Горы маленьких костей. Амфоры с кровью. Стены в символах, но часть из них нарисованы криво, что лишает их любой силы.

— Скажи мне, ты пытаешься вызвать Одноглазую?

Мужик в балахоне не ответил. Паника. Может, он и пытался, но под капюшоном я не разглядел.

— Мне повторить? — я шагнул ближе.

Он затряс головой.

— Д-да, — выдал сквозь стук зубов.

— А кого-то страшнее червя вызывал?

Он снова замотал головой.

Манекены расступились. Пруска быстро понимают перевес в силе. Я доскрипел до горе заклинателя. Воткнул нож ему в плечо. Он завизжал. Пришлось прикрыть ему рот коленом. Заодно и хороший упор.

Я стянул протез, перевёл вес на руку, толкнул мужика. Он смиренно сполз по стене на пол. Ступор. Его трясло. Я придавил его грудь. Наклонился, занёс протез. Сперва он пытался кричать. Потом просто шипел. Когда зубы смешались с

кровью в его глотке, он лишь сопел. Я бил до тех пор пока конечно его не перестали дёргаться. Черви шипели. Им нравилось это зрелище.

Лишь когда заклинатель обмяк, они, перемежаясь с ноги на ногу, изображали что-то вроде аплодисментов. Я обернулся, но остался лишь звук. И пыль. Много пыли.

Я слез, сел рядом. Выдернул нож, но тут же замер. Провёл лезвием по ткани, оторвал кусок. Перетянул предплечье туго, как мог. Пальцы слушались, хоть и немели. Зубы твари оставили рваные края, но кость вроде цела — проверю позже.

Мне нужно было время. Немножко. Я давно не убивал. Тех, кто похож на человека. Так-то я недавно «разобрал» мозгляка. Смешно. Я оправдываюсь.

— Охотник, ага, — я пытался закрепить протез, руки тряслись. Ремень не слушался, тряпка слезла. Плоть упёрлась в дерево, надавило. Я сорвал окровавленный протез, швырнул в стену. Пальцы вцепились в грязную гриву. Крик. Как уродливый слизистый куб. Всё доступное пространство обратилось его царством. Вероломно захваченное, и в то же время, отданное по глупости.

Простыми вздохами здесь не отделаться. Сперва придётся смерить разум, заполонив его оправдательными, настойчивыми повторениями. После дождаться, пока перестанет колотиться сердце. Привкус железа — дело привычное. Фляга подождёт.

Иногда хочется обменять воспоминания на пустое пространство. Иногда хочется закрыть глаза и увидеть перед собой незапятнанный белый лист. Иногда хочется обернуться, увидеть того, кто стоит позади, того, кто ещё полон надежд и стремлений и сказать:

— Прости.

В этот раз протез подчинился. Я опёрся на стену, поднялся. Каждый шаг отдавался эхом. Я надеялся, что наверху услышат. Наделся, хоть и слышал это злосчастный писк:

— Грязные ложки — милые крошки...

Второй этаж. Дверь приоткрыта. Я стучусь. Писк стихает. Вхожу.

— Ха! — голос грубее, но всё тот же, — я говорил.

Огневик. Он висит в клетке у входа. Тело его похоже на уголь. Пламени нет. На нём костюм высшего буржуа. Я не видел таких даже в замке Соломона. Он тарашится на меня.

— Кровью пахнешь, — улыбается огневик. — Мне нравится.

Поодаль, у стены, на соломе прикрытой тряпкой, девушка. Если не считать хвоста — обычная. Красивая донельзя, но обычная. Цепи достаточно длинные, чтобы позволить свободно двигаться, но не настолько, чтобы позволить уйти дальше «кровати».

Они приподнимает голову, принюхивается, смотрит на меня.

— Паладин?

— Что-то вроде, — я прохожу рядом с клеткой, узник глядит на меня с едким прищуром.

Бестия смотрит на мой протез.

— А уплотнить свет, и заменить им потерю не смог?

Я прислоняюсь спиной к стене, стекаю вниз. Мы оказываемся друг напротив друга. Огневик качается клетку, покусывая губы от нетерпения.

— Лишён благодати.

Она снова принохивается.

— Дерево на спине тебе нарисовали?

Я кивнул.

— Но Солнцеликий Слепец остался нем?

Я снова кивнул. Она хмыкнула, убрала за ухо прядь волос.

— Тебя турнули, верно? — писк раздался сверху.

— Так и есть.

— А тот shibu мёртв?

— Я думал ты и его кровь почувствовал.

— В нём маны нет. В тебе маны нет, — затараторил огневик. — Все низшие смердят одинаково.

— Все огневики раздражают так же.

— Ой, — потянул он, — задел святошу?

— Не моя вина, — ответил я, пытаюсь сдержать улыбку, — что бог сотворил меня ранимым.

Сперва пленник смеялся на выдохе. После, на вдохе. Эта глупость так понравилась ему, что пламя сдерживать он

больше не смог. Дно клетку искажилось, стекло вниз. Огневик шлёпнулся следом. Несмотря на то, что теперь он горел, как и подобает, одежда даже не опалилась. Как и пол, и солома.

Наконец уgomонившись, он поднялся, отряхнулся и у двери. Ему хотелось охватить нас взглядом. Увидеть всё картину, уловить каждый уродливый шаг.

— Ответишь на его вопрос? — когда огневик уселся, спросила bestия.

— Инвалид без благодати — заноза. Это очевидно.

— Есть множество других мест, где может пригодиться человек воевавший с Изнанкой.

— Я не говорил, что был на войне.

— Да, но я помню всех с Третьего Похода. Особенно девственников.

Я рассмеялся.

— Дай угадаю. Другой запах?

— Конечно, — улыбнулась bestия, — намерения и вонь — они никогда не лгут.

Огневик молчал. Я был уверен, что он вмешается — ошибся.

— Пойдём, отведу тебя домой, — я оперся на стену, поднялся.

Твари переглянулись.

— Что? — писк. Я обернулся.

— Что ты сейчас сказал? — повторил огневик.

— Если тебе по пути, — сказал я, — идём.

— И как ты собираешься оторвать её от стены?

— Всё просто, — я залез за пазуху, показал огненному мальцу амулет.

Ребятам вроде меня запрещены украшения. Жаль, мало кто следует этому правилу. Огневик вылупился на меня. Подскочил. Подбежал ближе.

— Как? — пар оседал каплями на ресницах и испарялся вслед.

— Подарок, — я снял кулон. Обычный красный ромб в золотой оправе, на такой же цепи.

— Ты дослужился до майора?

— Нет. Я всего лишь капитан.

— Тогда как?

— Майор пока не знает, что подарил мне камушек.

Огневик утёр глаза. Протянул руку.

— Сперва цепи.

— А если я не хочу? — смешалась бестия.

Огневик повернулся к ней. Замахнулся. Я успел присесть, схватить его за руку и тут же повалился вниз, потянув его за собой.

Бестия рассмеялась. Я повернул голову на бок.

— Хороший вид.

Она посмотрела вниз, расставила ноги чуть шире.

— Так ты за этим пришёл?

— В каком-то смысле.

— А как же, — голос её осунулся, — как же, благородное спасение дамы?

— И это тоже будет.

— После того как возьмёшь своё? Да? То, что уже считаешься своим.

Я отпустил огневика. Он поднялся, злобно посмотрел на меня.

— Можно прожить долгую, может даже счастливую жизнь — лет шестьдесят, скажем, так ни разу и не понюхав пиздятинки. — Голос мой стал ниже. Последнее слово вылетело с придыханием. Я попытался подняться. — Но вот прожить хотя бы неделю, не посрав — это уже сложнее. Так что не нужно набивать цену своей дырке. Ладно?

— Ладно, — цепи загремели, бестия развела руками. — Признаю, ещё ни один девственник меня так не осаждал.

— Приятно быть первым.

— Грех, — огневик указал на меня пальцем.

Я взглянул на него. Кивнул. Наши пути переплелись, и раз уж я начал своё падение, то намерен довести его до конца.

Я оголился по пояс. Огневик обошёл меня, уставился на спину.

— И правда, — он взглянул на бестию, после снова на рисунок.

Она поднялась. Теперь мы были равны.

— И что теперь?

— Стерпишь ещё немного боли?

Она зло улыбнулась. Я ударил себя по лопатке.

— После такого уже ничего не пугает?

Бестия отвела взгляд. Цепи загремели вновь. Она раскинула руки, я подошёл ближе. Обнял. Пальцы её вонзились мне в спину. Узор вдоль хребта пополнился новыми шрамами. Камень на моей шее вспыхнул. Каждая затянута насечка на тела вспыхнула вместе с ним. Огневик открыл рот от изумления, и тут же прикрыл его руками. Энергия растекалась по телу в поисках выхода. Пальцы бестии покрыло пламя. Оно объяло её за мгновение. Кандалы треснули. Грохнулись на пол. Я прижал её сильнее, она впилась мне в шею. Камень потух, прихватив с собой внешнее пламя. Остаток энергии осел в её костях.

Я ослабил хватку, но бестия не собиралась меня отпустить. Я почувствовал её язык на моей шее. Она скользила им вдоль свежего укуса. Пальцы её вырвались из моей плоти, и только теперь я осознал, как глубоко они засели.

Я подался назад. Пара шагов. Бестия облизывала пальцы улыбаясь. Мгновение и она за моей спиной. Язык тянется вдоль позвоночника. Кожа горит.

Она сводит губы, смотрит на меня снизу, разматывая мою руку.

— Я надеюсь ты знал? — спрашивает она перед тем как коснуться прокусанного предплечья.

— Читал.

Искаженная улыбка при открытом рту. Она не сводит с

меня глаз, но отворачиваться я не намерен.

— Вот, — она выпрямляется, сводит руки будто в молитве. — К сожалению ногу я вернуть не могу.

— Странно было бы надеяться.

— Твои вещи внизу? Я слышала, как ударилась сумка у входа.

— Внизу.

— Если собираешься одеться, — вмешался огневик, — не стоит.

Я взглянул на него.

— Так будет проще, — улыбнулся он, указывая на амулет.

— Огня ведь не боишься?

Скорей всего, купил — другого объяснения у меня нет. Ночка выдалась на удивление тёплой и светлой. По крайней мере здесь, где полыхал бывший исполин. Я сидел у ворот. Подле меня два тела: суккуб и огневик. Надо мной два молодых уродца. Не по телу, но по духу.

Один ткнул другого, указав на мой амулет. Огневик не соврал. Вещица была на слуху.

— Говорите: почувствовали беду.

— Да, — я смотрел вниз.

— И в итоге всё равно пожар.

— В итоге две мёртвые твари и всего один сгоревший дом, — ответил я.

— Так-то да, — затянул другой, темноволосый, — только

дом-то, самого Вуда. Вряд ли он не справился бы с ней, — парень пнул суккубу.

— Результат у меня за спиной.

Я поднялся. Посмотрел на этих двоих. Первый сглотнул, другой улыбнулся.

— Так, между нами, — она наклонилась чуть ближе, — хороша девка?

— К чему вопрос?

— Так-то святоши каталоги составляют. Детальные очень. Вот и хочу узнать, а лучше, — он посмотрел на товарища, тот кивнул. — Сам попробовать хочу. Так-то говорят, что и несколько часов после смерти ещё ничего.

Как-то непроизвольно получилось. Казалось, рука просто дёрнулась, но нет. Я схватил его за глотку, подтянул ближе.

— Понимаешь, что ты сейчас совершил?

Другой взялся за складной посох. Я посмотрел на него, сжал чуть сильнее, чтоб другой не думал рыпаться.

— Колдун в страже. Прогнило местечко.

Я толкнул парнишку, тот повалился на землю.

— Я, рискуя жизнью, спасаю ваши тупые головы, лишь для того, чтобы услышать просьбу выебать мёртвую тварь?

Парень сложил посох. Я хватил его — посох — вырвал у него из рук.

— Чёрные слёзы застыли на его щеках. Они обожгли плоть, стекли ниже, укрепились на шее. Солнцеликий собственными руками, выжигая мясо на ладонях, согнул пер-

вый свет и водрузил над собой. Глаза его, непосланные в мир, дабы уgomонить бушующие воды стали лунами. Слепота его стала благом, ибо грех человека, ныне не был наказуем. Вместо этого он отражался в его венце. И каждый новый луч впивался в его плоть. Пробивал кожу, вгрызался в кость. Сколько боли ты принёс владыке света?

Я шагнул ближе, ударил посохом о землю возле его промежности.

— Сколько, я повторяю!

Другой, лишённый оружия, остолбенел. Может он и готов был броситься на меня, но ноги его обратились камнем. А с камнем совладать он не в силах.

— Посмотри вокруг. Я вижу, как люди помогают себе сами. Я вижу, как соседи несут воду вёдрами, пытаюсь справиться с проблемой. И я вижу зарвавшегося сопляка, что думает лишь о том, куда бы присунуть свой хуй.

Я бросил в него посохом.

— Коня и повозку, — я посмотрел на того, что стоял на ногах. — Я увезу их туда, откуда они пришли. Как подобает по закону.

Пятки. Крики. Ждать пришлось не долго. Кто-то из людей вынес мне рубаху. Я попытался отказаться, но мне пригрозили новым грехом. Пришлось взять. Кобылу мне подвели уже запряжённую. Оставалось только погрузить тела и убраться отсюда.

Даже когда мы отъехали достаточно далеко, они не риск-

нули показаться из накинутаго на них савана.

— Я даже поверил, но на секундочку, — огневик заговорил первым. Ожидаемо.

Бестия молчала.

Мы приближались к воротам. Земля под кованными копытами начинала скрипеть. Я хотел бы отпустить коня, согнать попутчиков наземь, двинуться дальше не своей одной, но увы...

Я увидел, как ворота распахнулись. Лошадь вздыбилась. Я попытался её усмирить. Остановился. Дождался пока та опустил на все четыре. Спрыгнул.

— Ну же, ничего. Ничего.

Лошадь пыхтела. Мотала головой.

Мы постояли вместе, наблюдая как Изнанка отпускает на волю монахов. Они двигались в три шеренги, по шесть человек в каждой. Опалённые, одинаковые.

Я взял лошадь под уздцы. Мы пошли медленно. Аккуратно.

Ворота становились всё больше, пока наконец не нависли над нами. Кривой позвонок великана прилип к левой воротине. Голова его отклонилась вперёд, нависла надо мной.

— Возвращаю собственность Смертодержца, — крикнул я, срывая саван.

Великан поднял руки, схватил себя за череп. Потянул в разные стороны. Череп, шейные позвонки, рёбра порвались пополам. Ворота заскрипели. Изнутри, двое маститых скеле-

тов, потянули их на себя. Лошадь попятилась назад, но приняла происходящее с потрясающим достоинством.

Мы вошли в Изнанку, привратники затворили за нами. Лишь тогда бестия и огненная мелочь спустились с телеги. Привратник освободил лошадь, повёл за собой. Другой ука-тил телегу за собой.

Бестия взяла мне за руку, повела за собой. Огневик шёл позади, очень уж тихий теперь.

Ничего странного, если не считать мужика, прибитого к кресту, что-то увлечённо повествующего кусту.

Бестия отпустила меня, как только мы приблизились к массивному трону. Существо что смотрело на нас и было Смертодержцем.

— Дары, ритуалы, — сказал он. Я видел, как шевелились губы, но слышал его отчётливо. Это была щадящая речь гостеприимного владыки.

— Всё как подобает, — я приклонил колено.

— Полно, — другой голос. Женский. Я повернулся в его сторону — Одноглазая.

Я поднялся. Смертодержец подпёр подбородок. Устремил взгляд вниз. Одноглазая вышла вперёд. Одним лишь жестом прогнала она моих спутников.

— Что чувствуешь? — лицо её было не столько уродли-вым, сколько неприятным. Но если привыкнуть к этому об-разу — нет, приятнее он не станет. Лишь перестанет пугать.

— Ничего.

В чём-то мы были равны. Нам не хватало того, что обычно выдают парами.

— А привёл их почему?

— Порядок таков.

— Ты уже не паладин.

— По сути, я никогда им и не был.

— Что же ведёт тебя, праведник?

— Я шёл сюда только лишь потрахаться. Возвращаю же я существ твоих лишь потому, что пути наши совпали.

— И лишь потому ты убил охотника? — вмешался Смертодержец.

— С детства я был сентиментальным. Не мог пройти мимо, если кто пса обижал или над слабым глумился.

И без того снисходительное лицо Одноглазой, казалось теперь ещё более благосклонным. Она подняла голову, посмотрела на своего владыку. Я сделал так же. Смертодержец кивнул.

Лёгкий холодок. Я слышал, что сюда приходят те, кто хочет сохранить себя. Смерть — дорога в один конец. Душа разрывает тело, разум угасает. Вот, теперь один из них. Чувство это мне неведомо, но я, почему-то, понимаю, что происходит.

Существо без лица. Тело его сгорблено, шея тянется вперёд, чтобы плечи не мешали. Голова пробита насквозь. Он выманивает мою душу наружу. Ласково, любя. Будто хочет

затащить ребёнка в свою карету с помощью сладостей.

Душа поддаётся, тянется. Устаивается поудобнее на одной чаше весов. Та с грохотом падает на землю. На другую чашу, бережно опускается пылинка. Лишь она, единственная из тысяч поднятых в воздух, удостоена такой чести.

Весы скрипят. Выравниваются. Несколько секунд пытаются нащупать друг друга, прийти к равновесию. Им удаётся.

Тяжёлые хлопки Смертодежца сметают измерителя. Душа скребётся по спине, запирается под рёбра.

— Сколько? — спрашивает владыка.

— Не больше сотни. Кажется, всего три за последний день.

Он хохочет.

— Да ты святой. И при всех твоих действиях — остаёшься таковым. В чём твой секрет, лжемайор?

— Я просто честен. Наверное, в этом.

— А цель твоя?

— Сгинула.

— И что думаешь делать дальше?

— Вскрыться. Напьюсь где-нибудь. Да хоть даже в Цзецзы. Наберусь мужества и... — я вынул нож, приставил к шее.

Смертодержец поднял голову. Я не знаю куда он смотрел и как далеко видел. Но когда тот вновь посмотрел на меня, он выгнулся всем телом, опустился ближе.

— Тогда послужи мне.

Монструозная рука его опустилась вниз и на расстоянии

лёгкого хвата руки, появился свиток.

Я взял.

— Куда нести?

— Так просто? — удивился Смертодержец.

— Итог не меняется, — я спрятал свиток. — Просто небольшая отсрочка.

— Передай в соломенный монастырь. И останься там ровно настолько месяцев, сколько будет тождественно твоим спутникам.

— А если никого?

— Так и удержать тебя никто не сможет.

Я поклонился. Посмотрел на Одноглазую, улыбнулся. Подумал: а даже если б и она оседлала меня, почему бы и нет.

И, будто бы услышав мои мысли, она прикрыла лица рукавом.

Дорога была той же. Меня не провожали. Привратники поклонились вновь. Выпустили меня. Великан снаружи не шелохнулся. Я постоял с минуту и пошёл прочь.

— Эй!

Я не обернулся.

— Shibu! Эй!

Грубо, — подумал я. Остановился.

У моих нож, согнувшись, тяжело дышал огневик.

— Смертодержец, — выдохнул он, и снова принялся глотать воздух. — Хозяин послал с тобой.

— И зачем же?

— Как минимум потому, shibu, что идёшь ты не в ту сторону.